

©2023 Г.Б. СТЕПАНОВА

РАЗРАБОТКА ОСНОВ ГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РОССИИ: ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Степанова Галина Борисовна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник сектора методологии междисциплинарных исследований человека.

Институт философии РАН.

Российская Федерация, 109240 Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

ORCID: 0000-0002-1291-7612

gbstepanova@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются методологические подходы к разработке теоретических и концептуальных основ гуманитарной экспертизы (ГЭ) в России. Анализируются два основных подхода к обоснованию путей формирования ГЭ, ее институционализации как целостной и относительно автономной экспертной системы. Первый подход — исследования и разработки под руководством Б.Г. Юдина, в которых ГЭ понимается в максимально широком смысле, что определяет ее процедурную сторону. Любой анализ последствий внедрения технических или гуманитарных новшеств для человека может рассматриваться как деятельность такого рода. ГЭ в этой концепции — прежде всего коммуникация, в которой формируются общие смыслы, мотивы, ценности всех заинтересованных в решении возникшей проблемы субъектов: разработчиков новой технологии, ее вероятных пользователей, а также экспертов. Показана специфика ГЭ, исследованная в проекте РГНФ под руководством Б.Г. Юдина. Второй подход, разрабатываемый под руководством Д.А. Леонтьева и Г.Л. Тульчинского, рассматривает ГЭ как социальную технологию и основывается на исследовании взаимовлияния социальных событий и психических процессов. Работа направлена на более

жесткую формализацию экспертизы, четкое определение ее процедурной составляющей. В трудах Д.А. Леонтьева акцент делается на личность, ее сохранение и развитие, возможности самоопределения и самореализации. В статье рассматриваются как особенности ГЭ с точки зрения разработчиков данного подхода, так и процедура ее проведения. Анализируются общие для двух подходов положения. Отмечаются междисциплинарный, комплексный и вероятностный характер феномена ГЭ, имеющий множество неопределенностей, а также его прогнозная, проективная направленность. Делается вывод о том, что в современных реалиях, несмотря на наличие проблем, связанных с разработкой и внедрением новых технологий, такого рода экспертиза не является востребованной ни разработчиками новых технологий, ни эффективными менеджерами, ни чиновниками разного уровня.

Ключевые слова: человек, новые технологии, факторы риска, психологическая гуманитарная экспертиза, этическая гуманитарная экспертиза, междисциплинарность.

Ссылка для цитирования: Степанова Г.Б. Разработка основ гуманитарной экспертизы в России: история и методология // Человек. 2023. Т. 34, № 6. С. 148–160. DOI: 10.31857/S023620070029309-6

Г.Б. Степанова
Разработка
основ гума-
нитарной экс-
пертизы в Рос-
сии: история
и методология

Начало нынешнего века характеризуется стремительным внедрением в жизнь человека разного рода новшеств, таких как, например, информационно-коммуникационные технологии, цифровизация, нейросети или искусственный интеллект. Все эти новые технологии несут в себе потенциальные риски и в то же время открывают перед человеком такие возможности, о которых раньше можно было только мечтать. В данной связи такие проблемы, как наука и этика исследований и разработок новых технологий, степень воздействия последних на физический и внутренний мир человека, мера ответственности при внедрении разного рода новшеств, становятся предметом гуманитарного анализа или, другими словами, гуманитарной экспертизы (ГЭ). Причем это касается технологий, основанных как на последних достижениях науки, так и на современном использовании вполне традиционных практик. Поэтому в задачи ГЭ входят выявление и оценка как возможных негативных последствий применения такого рода технологий, так и их позитивных эффектов, в частности того, в какой мере и в каких направлениях они способствуют сохранению здоровья, развитию и самореализации человека.

Можно выделить два основных подхода, в рамках которых в нашей стране разрабатывались концептуальные и методологические основания ГЭ, а также определялись ее место в экспертном знании, конкретные средства, методы и процедуры. Первый

подход — это развернувшаяся в середине 1990-х годов под руководством Б.Г. Юдина разработка концепции, которая была основана на определении и оценке факторов риска для сохранения и развития человеческого потенциала страны [Ашмарин, 1999]. Второй — проводимые в 2006–2008 годах под руководством Д.А. Леонтьева работы по разработке комплексной гуманитарной экспертизы (КГЭ) как социальной технологии [Тульчинский, 2008], формы социальной практики [Леонтьев, 2008]. Предметом КГЭ в этой концепции выступают «реальное или возможное потенциальное влияние социальных событий на психологические процессы, свойства и состояния людей и влияние психологических процессов, свойств и состояний людей на социальные процессы» [Леонтьев, 2018: 16]. Такое понимание было сформулировано в первую очередь на основе анализа психологической составляющей экспертизы, например, в образовании.

В основу первого подхода были положены прежде всего идеи И.Т. Фролова, его понимание этики науки, необходимости включения в процесс познания гуманистических ценностных регулятивов, а также представления о недопустимости внедрения любых научно-технических проектов без анализа социальных условий их реализации. Большое влияние на взгляды Б.Г. Юдина оказали идеи норвежского философа Г. Скирбекка, который предложил расширенное толкование понятия «экспертиза», снижение значимости технократических подходов и собственно ввел само понятие «гуманитарная экспертиза». В основе последней лежат принципы диалогической рефлексии, глобальной этики и совместной ответственности. По Скирбекку, ГЭ — это не процесс выработки установочных решений, а постоянный диалог ученых, в котором обсуждаются предлагаемые решения, выявляются, обосновываются и согласовываются представления и ценностные установки различных социальных групп [Скирбек, 1991].

Во главу угла также ставились разработки в области биоэтики, этической экспертизы исследований с участием человека в качестве испытуемого, прежде всего исследований биомедицинских. Б.Г. Юдин полагал, что этическая экспертиза является разновидностью гуманитарной, а последняя охватывает более широкое поле проблем [Юдин, 2006]. Подробный анализ показал различия в содержании этической экспертизы и экспертизы гуманитарной, специфику каждой из них. Этическая экспертиза организуется и проводится этическими комитетами по определенному алгоритму для защиты испытуемых и минимизации у них негативных последствий эксперимента. В Хельсинской декларации Всемирной медицинской ассоциации и во Всеобщей Декларации ЮНЕСКО

о биоэтике и правах человека содержатся основные принципы, которые могут использоваться как критерии и в ГЭ.

Второй подход развивался, отталкиваясь в основном от разработки экспертизы различных социальных практик, создания методики психолингвистической экспертизы публикаций в СМИ, а также проблематики экспертизы в области образования и институционализации экспертного знания в России.

В процессе разработки в 2006–2008 годах исследовательского проекта РГНФ «Основы гуманитарной экспертизы: методологические и праксеологические аспекты» коллективом ученых Института философии РАН (И.И. Ашмарин, Г.В. Иванченко, Вал.А. Луков, Г.Б. Степанова, П.Д. Тищенко) под руководством Б.Г. Юдина совместно с участниками из НАН Украины (Ю.А. Ищенко, В.В. Кизима, Н.Н. Киселев, С.Б. Крымский, В.А. Рыжко) была выявлена специфика ГЭ:

«— гуманитарная экспертиза представляет собой опережающее реагирование, призванное обнаружить возможные риски нововведений (включая и гуманитарные технологии), когда они еще не очевидны и слабо осознаются в обществе;

— гуманитарная экспертиза во многих случаях не является одноразовым мероприятием, завершающимся принятием управленческого решения, она — своего рода мониторинг проблемы и одновременно форма диалога сторон, ответственных за реализацию инноваций;

— эксперт в данном виде экспертизы прежде всего характеризуется способностью адекватно выразить интересы, надежды и опасения “рядового обывателя”; узкий профессионализм эксперта здесь может отходить на второй план» [Юдин, Луков, 2006: 34]. Кроме того, было сформулировано рабочее определение ГЭ: «Гуманитарная экспертиза (ГЭ) — это исследовательская деятельность, имеющая целью сформировать общественную оценку различных нововведений с точки зрения культуры, этических и правовых норм, а также выявить и спрогнозировать возможные угрозы и риски от внедрения инноваций для человека» [Луков, 2008: 618].

По мнению Б.Г. Юдина, ГЭ сочетает в себе технические компоненты и то, что является субъективностью человека. Таким образом, ГЭ — это диалог, коммуникация между индивидами и группами, представляющими разные интересы и ценности. В процессе диалога вырабатывается компромиссное решение, а затем осуществляется переход от противостояния к объединению и взаимодействию.

Поиск места ГЭ в экспертном знании обсуждался представителями обоих подходов. Так, с позиции С.Л. Братченко, в экспертной среде существует несколько полюсов между различными типами и видами экспертных исследований, которые могут быть разделены на различные типы, виды и формы проведения экспертизы в зависимости

Г.Б. Степанова
Разработка
основ гума-
нитарной экс-
пертизы в Рос-
сии: история
и методология

от того, насколько та формализована [Братченко, 1999]. Полярные виды экспертизы исследователь делит на две группы:

- первая группа — экспертиза в узком смысле, с опорой на субъективные мнения в тех случаях, когда реальность не поддается простому измерению, «объективному исследованию», и экспертиза в широком смысле, такая как исследование с целью получения аргументированных ответов на поставленные экспертные вопросы, в котором могут использоваться самые разнообразные методы;
- вторая группа — жесткая экспертиза с четкой и однозначной регламентированностью всех основных структурных элементов и экспертиза мягкая, для которой характерны максимальная вариативность и отсутствие единых правил [Братченко, 2006].

По оценке Б.Г. Юдина, необходимы максимально широкое понимание ГЭ и в то же время существенные ограничения, которые накладываются по мере необходимости. Таким образом, анализ и оценку тех или иных воздействий на человека можно рассматривать как ГЭ. Автор неоднократно подчеркивал значение именно самого процесса ГЭ, во время которого происходят обсуждение и согласование мнений, ценностей, мотивов участников.

Более жесткая позиция в отношении организации, средств и методов ГЭ представлена в концепции Г.Л. Тульчинского [Тульчинский, 2008]. Рассматривая ГЭ как социальную технологию, Тульчинский выделяет следующие ее особенности:

- ГЭ направлена прежде всего на анализ и исследование социально значимых проблем;
- она осуществляется по заказу инстанций, принимающих решение и использующих при выработке решения заключение экспертов;
- в процессе проведения ГЭ необходимо участие независимых компетентных специалистов, обладающих знаниями по предмету, специальными методами и профессиональной интуицией;
- итогом ГЭ является ответственное экспертное заключение, которое содержит факты, комментарии и объяснения, носит доказательный характер и обладает доступной для общественности аргументацией;
- экспертное заключение имеет решающее значение для принятия решения соответствующими инстанциями.

Г.Л. Тульчинский также подробно описывает процедурную сторону ГЭ, предлагает пошаговую реализацию алгоритма ее проведения. Это, во-первых, диагностика базового и нормативно-ценностного комплекса оцениваемого явления, проекта, программы и, во-вторых, соотнесение полученных результатов, их оценка и интерпретация, выявление (прогноз) последствий реализации нормативно-ценностного комплекса оцениваемого явления для базового. С его точки зрения, главными особенностями ГЭ выступают: нормативно-ценностное содержание; персонологический

характер; ориентация на обеспечение баланса интересов и консолидации общества; ориентация на обеспечение возможности социально ответственного личностного выбора (самоопределения); комплексность и междисциплинарность; обеспечение аргументированности вероятностно-интерпретативными средствами.

ГЭ — это междисциплинарный проект, поскольку анализируемые проблемы не могут быть решены в рамках одной научной дисциплины. Для оценки возможных последствий применения новой технологии для человека требуется привлечение разного рода специалистов далеко не только гуманитарного профиля. Человек является объектом изучения в самых разных областях знания: медицине, психологии, биологических науках, социологии и т.п. Комплексность ГЭ проявляется в том, что оцениваемая проблема лежит на стыке разных областей практической деятельности человека. Д.А. Леонтьев, указывая на центральное место психологии в решении многих проблем при реализации ГЭ, также считает необходимым привлекать специалистов в области культурологии, права, экономики, лингвистики, этнологии и опираться на междисциплинарные принципы философии, логики, системного анализа. Центром, вокруг которого собираются воедино мнения различных специалистов, по мнению Леонтьева, является личность, так как именно в ее сохранении и развитии, предоставлении ей возможностей самоопределения состоит главная задача ГЭ. В концепции Б.Г. Юдина фокусом взаимодействия представителей разных научных дисциплин в процессе осуществления ГЭ становится поиск возможностей сохранения, развития и реализации человеческого потенциала.

Еще одна важная особенность ГЭ, которую разделяют представители обоих подходов, — ее прогнозный, проективный характер. В концепции Б.Г. Юдина необходимым представляется опережающее реагирование на риски от внедрения самых разнообразных социальных и научно-технических новшеств. Это означает, что можно предусматривать риски еще до того, как они становятся очевидными. При этом надо исходить из принятия двух посылок: во-первых, любая новая технология может нести в себе риски и оказаться источником негативных последствий для человека и, во-вторых, для обнаружения таких рисков и угроз непременно прилагаются определенные усилия на ранних стадиях разработки и внедрения новых технологий.

ГЭ носит вероятностный характер. Д.А. Леонтьев считает, что ответы ГЭ на поставленные вопросы часто не носят характер однозначного определения причинно-следственной связи или ее отсутствия — ответы на вопросы о том, как та или иная технология повлияет на здоровье и развитие человека, лежат в вероятностном поле: у одних потребителей новых технологий они вызовут положительные эффекты, у других — отрицательные.

Г.Б. Степанова

Разработка
основ гума-
нитарной экс-
пертизы в Рос-
сии: история
и методология

Особое внимание в концепции Д.А. Леонтьева уделяется экспертизе ГЭ. «Главным результатом работы эксперта или экспертов выступают разворачивание и экспликация разных, в первую очередь скрытых и неочевидных аспектов ситуации, рисков, связанных с разными сценариями, и цена, которую придется платить за те или иные выборы, делаемые в данной ситуации» [Леонтьев, 2008: 30]. Опираясь на правовые положения, авторы позиционируют эксперта как лицо, обладающее специальными знаниями. Также экспертизе необходимы опыт экспертиз, развитая система логических рассуждений в условиях неполноты и неоднозначности информации. Критериями оценки заключения эксперта являются: беспристрастность, полнота и разносторонность анализа и учета значимых факторов, логическая убедительность рассуждений и определенность ответов. Последнее утверждение вступает в противоречие с высказыванием Леонтьева о вероятностном характере ответов на вопросы при проведении ГЭ. На основе анализа зарубежного опыта в реализации гуманитарных экспертиз в области образования Г.В. Иванченко была осуществлена концептуальная разработка программ по подготовке специалистов в области ГЭ, предложений по их переподготовке в этом направлении. Были определены цели, задачи и направления обучения экспертов, набор профессионально важных и личностных качеств, а также знаний [там же: 104–105].

Позиция Б.Г. Юдина отличается тем утверждением, что от участника ГЭ вовсе не обязательно требовать исключительных профессиональных и личностных качеств. Для ГЭ первостепенное значение имеет способность эксперта адекватно выразить интересы, надежды и опасения того самого «рядового обывателя», который и будет взаимодействовать с новой технологией. Здесь прослеживается параллель с требованиями к эксперту в этической экспертизе биомедицинских исследований. Для обеспечения независимой позиции этического комитета, который организует экспертизу, со стороны исследователей в состав экспертов входят как компетентные врачи, так и непрофессионалы. Последние и выражают в большой степени те интересы и опасения, которые могут возникнуть у человека, участвующего в исследовании.

Дискуссии о статусе, профессионализме, знаниях, опыте и качествах эксперта как в ГЭ, так и в более широком экспертном пространстве продолжают среди тех исследователей, кто занимается этой проблематикой. Д.А. Леонтьев и Г.Л. Тульчинский задаются вопросами, каким образом и кем присваивается звание эксперта, а также чем отличается экспертное заключение от высказанного мнения. Эксперт, с точки зрения Леонтьева, — это не тот, кто знает ответы на вопросы, а тот, кто знает, как искать ответы на вопросы. Проблема подготовки экспертов кроется в самой сути ГЭ, в ее комплексности

и междисциплинарности. Подготовить эксперта, обладающего всем комплексом знаний по проблемам, например, образования, не представляется возможным, так как в такого рода ГЭ необходимы экспертные заключения не только педагогов и психологов, но и врачей, антропологов, социологов и др. Отсутствие единых представлений об экспертизе и статусе эксперта снижает ее значимость и обоснованность для инстанций, принимающих решение.

Нельзя сказать, что анализируемые подходы развивались изолированно друг от друга. Проводились совместные обсуждения, круглые столы. Их итогом стала книга «Экспертиза в современном мире: от знания к деятельности» [Экспертиза, 2006], в которую вошли статьи авторов этих двух направлений исследований.

Концепция Б.Г. Юдина продолжала развиваться как им самим, так в дальнейшем и его последователями. Суммировав различные определения ГЭ, А.А. Воронин представил следующее ее определение: это «принципиально междисциплинарная, гуманитарно-ориентированная, компетентная, но в то же время учитывающая интересы потенциальных акторов, прогностическая, кодифицирующая ответственность, подсчитывающая потенциальные риски, систематическая исследовательская и консалтинговая деятельность специального сообщества экспертов и более широких кругов заинтересованных лиц» [Воронин, 2018: 93]. Однако и эта концепция не носит целостный характер, поскольку упирается в различное понимание природы человека, сомнения в неизменности этой природы и универсальности моральных принципов, признание социокультурного разнообразия [Тищенко, 2008]. Отсюда проистекают разные трактовки предмета ГЭ, ее методов и процедур. В данной ситуации требуется разработка специальных форматов согласования решений в условиях принципиальной множественности моральных и других критериев. Е.Г. Гребенщикова показывает несколько важных концептуальных характеристик трансдисциплинарного дискурса в этической экспертизе, которые характерны и для ГЭ: «...невозможность найти устраивающую всех моральную доктрину; совмещение различных взглядов и подходов в едином проблемном поле (комплексность); общее для всех вовлеченных сторон стремление достичь наиболее приемлемого результата» [Гребенщикова, 2010: 146].

На современном этапе разработка философских и методологических принципов ГЭ осуществляется в условиях все ускоряющегося развития НБИКС-технологий (нано-, био-, инфо-, когно-, социотехнологий) и внедрения их в повседневную жизнь. Дискуссии ведутся вокруг проблемы «улучшения» человека с помощью этих технологий. Возникло направление трансгуманизма, претендующего на новую гуманистическую идеологию, поскольку оно

Г.Б. Степанова

Разработка
основ гума-
нитарной экс-
пертизы в Рос-
сии: история
и методология

развивает идею расширения человеческих возможностей, продления жизни, небывалого развития способностей с использованием искусственного интеллекта и т.п. При этом научные достижения могут не только позитивно или негативно влиять на различные аспекты существования человека, но и трансформировать его сущность. Если искусственное заменит реальное, то процесс трансформации человека в новые формы жизни станет вполне возможным. С развитием трансгуманистических проектов разрушаются все традиционные представления о человеке, прежде всего как о мере и критерии «истины, добра и красоты» [Климова, 2015].

Другой вектор применения ГЭ — это достижения нейронауки. По мнению А.А. Воронина, «применительно к нейронауке моральным барьером остаются гуманитарная трактовка человеческой природы (при всей расплывчатости ее дефиниций), право человека на целостность личности, невмешательство в его приватность, в конце концов — охрана человека как биологического вида» [Воронин, 2012: 97]. Потребность в ГЭ относится не только к новым прорывным технологиям. Вполне традиционные области человеческой жизнедеятельности, постоянно реформируемые образование, здравоохранение, наука и культура также требуют гуманитарного анализа.

Большинство специалистов в области концептуальных основ и методологии ГЭ констатируют, что на современном этапе такого рода экспертиза не востребована ни специалистами, ведущими поисковые исследования и разработки научно-технических или социальных инноваций, ни реформаторами образования и здравоохранения, ни управленцами, реализующими эти реформы и самые разнообразные социальные проекты. Можно назвать, по крайней мере, две причины такого отношения. Первая — внешняя, это стремительное снижение роли гуманитарного знания и гуманитарных ценностей во многих областях человеческой деятельности, и в частности в науке и образовании. В управлении этими областями стал применяться технократический подход и стали привлекаться люди, отличающиеся технократическим мышлением. Человек при этом рассматривается не как личность, для которой характерно проявление свободы поведения и деятельности, а как компонент системы, которым можно манипулировать, который можно программировать, использовать как средство для достижения определенных целей. В этике технократизма общечеловеческие гуманистические ценности заменяются ценностями экономической эффективности, управляемости, технических достижений, обладания, объективности, заменяемости, прагматизма и безответственности. Кроме того, ГЭ оказывается ненужной и даже вредной в ситуации усиления авторитарных методов управления на всех уровнях властной вертикали, появления множества

эффективных менеджеров и чиновников, многие из которых принимают решения в собственных интересах для продвижения тех порой сомнительных проектов, что требуют глубокого социально-гуманитарного анализа и оценки.

Вторая причина невостребованности ГЭ — отсутствие универсальной теоретической основы; так и не состоявшаяся проработка процедурной стороны, организации междисциплинарных взаимодействий; расплывчатость критериев, этических норм и статуса эксперта. ГЭ не стала систематически организованной исследовательской деятельностью. «Отстоять значимость гуманитарной экспертизы, находясь лишь на аксиологических или абстрактно-гуманистических позициях долженствования, невозможно; нужна твердая законодательная база» [Леонтьев, 2008: 76–77] и твердые юридические правила апробации инноваций, связанные с гуманитарными критериями безопасности, развития и реализации человеческого потенциала страны.

Тем не менее можно привести несколько позитивных примеров организации ГЭ в виде круглых столов [Психолого-педагогическая диагностика, 2003; Юдин, 2009] или игрового моделирования, деловых игр [Бакштановский, 2008], куда приглашались специалисты разных областей знания и где происходили междисциплинарные и полипрофессиональные обсуждения, согласовывались и вырабатывались совместные оценки тех проблем, факторов риска, которые несут в себе новые технологии и социальные проекты.

Г.Б. Степанова
Разработка
основ гума-
нитарной экс-
пертизы в Рос-
сии: история
и методология

Development of the Foundations of Humanitarian Expertise in Russia: History and Methodology

Galina B. Stepanova

PhD in Psychology, Senior Research Fellow of the Department of Methodology of the Interdisciplinary Study of Man.

RAS Institute of Philosophy.

12/1 Goncharnaya Str., Moscow 109240, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-1291-7612

gbstepanova@gmail.com

Abstract. The article discusses methodological approaches to the development of theoretical and conceptual foundations of humanitarian expertise (HE). Two main approaches to substantiating the ways of forming HE and its institutionalization as an integral and relatively autonomous expert system are analyzed. The first is research and development under the leadership of B.G. Yudin, in which HE is understood in the broadest possible sense, which determines its procedural side. Any analysis of the consequences of the introduction of technical or humanitarian innovations for humans can be considered as an activity of this kind. HE in this concept is primarily communication, in which the common meanings, motives, and values of

all subjects interested in solving the problem that have arisen are formed: developers of new technology and its users, as well as experts. The specificity of the HE developed by the Russian Humanitarian Science Foundation project under the leadership of B.G. Yudin is shown. The second approach, developed under the leadership of D.A. Leont'ev and G.L. Tulchinsky, considered HE as a social technology and was based on the study of the mutual influence of social events and mental processes. The work was aimed at more rigorous formalization of the examination and a clear definition of its procedural component. In the works of D.A. Leont'ev, the emphasis is on personality, its preservation and development, the possibilities of self-determination and self-realization. The article discusses both the features of HE from the point of view of the developers of this approach, and the procedure for its implementation. The provisions common to the two approaches are analyzed. This is the interdisciplinary, complex and probabilistic nature of this phenomenon, which has many uncertainties, as well as its predictive projective orientation. It is concluded that in modern realities, despite the presence of problems, this kind of expertise is not in demand either by developers of new technologies, or by effective managers, or by officials at various levels.

Keywords: human, new technologies, risk factors, psychological humanitarian expertise, ethical humanitarian expertise, interdisciplinarity.

For citation: Stepanova G.B. Development of the Foundations of Humanitarian Expertise in Russia: History and Methodology // *Chelovek*. 2023. Vol. 34, N 6. P. 148–160. DOI: 10.31857/S023620070029309-6

Литература/References

Ашмарин И.И., Юдин Б.Г. Человеческий потенциал: основы гуманитарной экспертизы // Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 39–54.

Ashmarin I.I., Yudin B.G. Chelovecheskii potentsial: osnovy gumanitarnoi ekspertizy [Human Potential: Fundamentals of Humanitarian Expertise]. *Chelovecheskii potentsial: opyt kompleksnogo podhoda* [Human Potential: Experience of an Integrated Approach]. Moscow: Editorial URSS Publ., 1999. P. 39–54.

Бахштановский В.И., Согомонов Ю.В. Испытание моральным выбором: гуманитарная экспертиза как этико-прикладная идея-технология // Основы гуманитарной экспертизы: методологические и праксеологические аспекты. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008. С. 25–44.

Bakshtanovskii V.I., Sogomonov Yu.V. Ispytanie moral'nym vyborom: gumanitarnaya ekspertiza kak etiko-prikladnaya ideya-tekhnologiya [Test of Moral Choice: Humanitarian Expertise As an Ethical and Applied Idea-technology]. *Osnovy gumanitarnoi ekspertizy: metodologicheskie i prakseologicheskie aspekty* [Fundamentals of Humanitarian Expertise: Methodological and Praxeological Aspects]. Moscow: Moscow university for the humanities Publ., 2008. P. 25–44.

Братченко С.Л. Введение в гуманитарную экспертизу образования: Психологические аспекты. М.: Смысл, 1999.

Bratchenko S.L. *Vvedenie v gumanitarnuyu ekspertizu obrazovaniya: Psikhologicheskie aspekty* [Introduction to Humanities Education Expertise: Psychological Aspects]. Moscow: Smysl Publ., 1999.

Братченко С.Л. Мир экспертизы — попытка определения координат // Экспертиза в современном мире: от знания к деятельности / под ред. Г.В. Иванченко, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2006. С. 63–75.

Bratchenko S.L. *Mir ekspertizy — попытка opredeleniya koordinat* [The World of Expertise — an Attempt to Determine the Coordinates]. *Ekspertiza v sovremennom mire: ot znaniya k deyatel'nosti* [Expertise in the Modern World: From Knowledge to Activity], ed. by G.V. Ivanchenko, D.A. Leont'ev. Moscow: Smysl Publ., 2006. P. 63–75.

Воронин А.А. Гуманитарная экспертиза (обзор) // Философия и культура. 2012. № 5(53). С. 118–127.

Voronin A.A. *Gumanitarnaya ekspertiza (obzor)* [Humanitarian Expertise (Review)]. *Filosofiya i kul'tura*. 2012. N 5(53). P. 118–127.

Воронин А.А. Б.Г. Юдин о гуманитарной экспертизе и вызовы нейрореволюции // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 3. С. 91–102.

Voronin A.A. B.G. Yudin o gumanitarnoi ekspertize i vyzovy neirorevolyutsii [B.G. Yudin on Humanitarian Expertise and the Challenges of the Neurorevolution]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2018. N 3. P. 91–102.

Гребенщикова Е.Г. Трансдисциплинарные основания биоэтического знания // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 4. М.: Изд-во Института философии РАН, 2010. С. 139–152.

Grebenshchikova E.G. *Transdistsiplinarnye osnovaniya bioehticheskogo znaniya* [Transdisciplinary Foundations of Bioethical Knowledge]. *Bioehtika i gumanitarnaya ekspertiza. Vyp. 4* [Bioethics and Humanitarian Expertise. Iss. 4]. Moscow: RAS Institute of Philosophy Publ., 2010. P. 139–152.

Климова С.М. Гуманитарная экспертиза и экспертное сообщество: постановка проблемы // Философские науки. 2017. № 4. С. 68–80.

Klimova S.M. *Gumanitarnaya ekspertiza i ekspertnoe soobshchestvo: postanovka problemy* [Humanitarian Expertise and the Expert Community: Formulation Problems]. *Filosofskie nauki*. 2017. N 4. P. 68–80.

Леонтьев Д.А., Иванченко Г.В. Комплексная гуманитарная экспертиза: методология и смысл. М.: Смысл, 2008.

Leont'ev D.A., Ivanchenko G.V. *Kompleksnaya gumanitarnaya ekspertiza: metodologiya i smysl* [Complex Humanitarian Expertise: Methodology and Meaning]. Moscow: Smysl Publ., 2008.

Леонтьев Д.А., Тульчинский Г.Л. Экспертиза как гуманитарная методология и практика. Круглый стол «От психолингвистической к комплексной гуманитарной экспертизе» // Философские науки. 2018. № 2. С. 121–140.

Leont'ev D.A., Tul'chinskii G.L. *Ekspertiza kak gumanitarnaya metodologiya i praktika* [Expertise As a Humanitarian Methodology and Practice. Kruglyi stol "Ot psikholingvisticheskoi k kompleksnoi gumanitarnoi ekspertize"] [Round Table "From Psycholinguistic to Complex Humanitarian Expertise"]. *Filosofskie nauki*. 2018. N 2. P. 121–140.

Луков Вал.А., Луков Вл.А. Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2008.

Г.Б. Степанова
Разработка
основ гума-
нитарной экс-
пертизы в Рос-
сии: история
и методология

■■■■■■■■■■
ВСПОМИ-
НАЯ ОБ
УШЕДШЕМ
 ■■■■■■■■■■

- Lukov Val.A., Lukov Vl.A. *Tezaurusy: Sub"ektnaya organizatsiya gumanitarnogo znaniya* [Thesauri: Subject Organization of Humanitarian Knowledge]. Moscow: National Institute of Business Publ., 2008.
- Психолого-педагогическая диагностика в образовании. Опыт гуманитарной экспертизы / отв. ред. Б.Г. Юдин. М.: Институт человека РАН, 2003.
- Psihologo-pedagogicheskaya diagnostika v obrazovanii. Opyt gumanitarnoi ekspertizy* [Psychological and Pedagogical Diagnostics in Education. Experience of Humanitarian Expertise], execut. ed. B.G. Yudin. Moscow: Institut cheloveka RAN Publ., 2003.
- Скирбекк Г. Есть ли у экспертизы этические основы? // Человек. 1991. № 1. С. 86–94.
- Skirbekk G. Est' li u ekspertizy eticheskie osnovy [Does the Expertise Have an Ethical Basis]? *Chelovek*. 1991. N 1. P. 86–94.
- Тищенко П.Д. Угроза множественности и идея гуманитарной экспертизы // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 2. М.: Изд-во Института философии РАН, 2008. С. 102–128.
- Tishchenko P.D. Ugroza mnozhestvennosti i ideya gumanitarnoi ekspertizy [The Threat of Multiplicity and the Idea of Humanitarian Expertise]. *Bioetika i gumanitarnaya ekspertiza*. Vyp. 2 [Bioethics and Humanitarian Expertise. Iss. 2]. Moscow: RAS Institute of Philosophy Publ., 2008. P. 102–112.
- Тулчинский Г.Л. Гуманитарная экспертиза как социальная технология // Вестн. Челяб. гос. акад. культуры и искусств. 2008. № 4(16). С. 38–52.
- Tul'chinskii G.L. Gumanitarnaya ekspertiza kak sotsial'naya tekhnologiya [Humanitarian Expertise As a Social Technology]. *Vestnik Chelyabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv*. 2008. N 4(16). P. 38–52.
- Экспертиза в современном мире: от знания к деятельности / под ред. Г.В. Иванченко, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2006.
- Ekspertiza v sovremennom mire: ot znaniya k deyatel'nosti* [Expertise in the Modern World: From Knowledge to Activity], ed. by G.V. Ivanchenko, D.A. Leont'ev. Moscow: Smysl Publ., 2006.
- Юдин Б.Г. От этической экспертизы к экспертизе гуманитарной // Экспертиза в современном мире: от знания к деятельности / под ред. Г.В. Иванченко, Д.А. Леонтьева. Moscow: Смысл, 2006. С. 30–44.
- Yudin B.G. Ot eticheskoi ekspertizy k ekspertize gumanitarnoi [From Ethical Expertise to Humanitarian Expertise]. *Ekspertiza v sovremennom mire: ot znaniya k deyatel'nosti* [Expertise in the Modern World: From Knowledge to Activity], ed. by G.V. Ivanchenko, D.A. Leont'ev. Moscow: Smysl Publ., 2006. P. 30–44.
- Юдин Б.Г., Луков Вал.А. Гуманитарная экспертиза: К обоснованию исследовательского проекта. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006.
- Yudin B.G., Lukov Val.A. *Gumanitarnaya ekspertiza: K obosnovaniyu issledovatel'skogo proekta* [Humanitarian Expertise: Towards Justification Research Project]. Moscow: Moscow university for the humanities Publ., 2006.
- Юдин Б.Г., Степанова Г.Б. Здоровье человека: факт, норма, ценность. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2009.
- Yudin B.G., Stepanova G.B. *Zdorov'e cheloveka: fakt, norma, cennost'* [Human Health: Fact, Norm, Value]. Moscow: Moscow university for the humanities Publ., 2009.